

17. Khabermas Yu. Vovlecheniye drugogo: Ocherki politicheskoy teorii (Involvement of another: Essays on political theory), St. Petersburg, Nauka, 2001.
18. Khabermas Yu. Demokratiya. Pazum. Nravstvennost' (Democracy. The reason. Moral). Moscow, 1992.
19. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. Moskovskiye lektzii i interv'y'u (Democracy. The reason. Moral. Moscow lectures and interviews), Moscow, 1995.
20. Khabermas YU. Esse k konstitutsii Yevropy (Essays on the Constitution of Europe), Moscow, «Ves' mir», 2013.
21. Shaveko N.A. Pravovoy ideal: neokantianskiye i sovremennyye kantianskiye ucheniya o spravedlivosti (Legal ideal: neo-Kantian and modern Kantian teachings on justice), Moscow, Yurлит-inform, 2017.
22. Shachin S.V. Kommunikativnaya teoriya razuma Yurgena Khabermasa (Communicative Reason Theory of Jürgen Habermas), Murmansk, 2010.
23. Shul'ts V.L. Filosofiya Yu. Khabermasa (The philosophy of J. Habermas), Moscow, Nauka, 2005.
24. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/Main, 1994.
25. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt/Main, 1983.
26. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt/Main, 1990.
27. Honneth A. Kritik der Macht: Reflexionstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
28. XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Fo-rum, 2013.

Дата поступления: 21.10.2019

Received: 21.10.2019

УДК 340.1+34(091)

**ВОПРОСЫ ОТНОШЕНИЯ ПРАВА
И МОРАЛИ В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ГЕРБЕРТА ХАРТА**

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич
*заместитель директора по инновационному
развитию Федерального научного центра
биологических систем и агротехнологий Рос-
сийской академии наук, г. Оренбург, Россия.
E-mail: 775777@bk.ru*

**RELATIONSHIPS BETWEEN LAW AND
MORALITY IN HERBERT HART'S
SCIENTIFIC WORK**

PROKOFIEV Konstantin Georgievich
*Deputy Director for Innovative Development of
the Federal Scientific Center for Biological
Systems and Agricultural Technologies of the
Russian Academy of Sciences, Orenburg,
Russia. E-mail: 775777@bk.ru*

Показывается, как вступая в заочную полемику с Г. Кельзенем, основоположник аналитической юриспруденции Г. Харт стремился обосновать эмпирическую природу нормативных фактов, которые он выводил из сферы чистого правового разума в сферу эмпирически данной действительности. Обосновывая возможность научного познания «сферы нормативных фактов», Г. Харт устанавливает различие между первичными и вторичными моральными и правовыми правилами. Со-

The paper is dedicated to the founder of analytical jurisprudence H. Hart, who entering into a correspondence debate with H. Kelsen, sought to substantiate the empirical nature of normative facts, which he brought from the sphere of pure legal reason to the sphere of empirically given reality. Justifying the possibility of scientific knowledge of the “sphere of normative facts”, H. Hart established a distinction between primary and secondary moral and legal rules. According to H. Hart, law must comply

гласно Г. Харту, право должно соответствовать морали, но это соответствие не является простым и прямолинейным, подобно тому, как это представлялось в классической теории естественного права.

Ключевые слова: Кельзен, Харт, норма, право, мораль, аналитическая юриспруденция.

with morality, but this correspondence is not simple and straightforward, just as it seemed in the classical theory of natural law.

Key words: Kelsen, Hart, norm, law, morality, analytical jurisprudence.

Крупнейшим представителем первой волны аналитической юриспруденции, а по многим оценкам и ее основоположником [1, с. 9-14; 4, с. 11-15; 8, с. 10-16; 9, с. 134], был оксфордский профессор Герберт Харт (1907 – 1992). В учении Г. Харта известный швейцарский историк политико-правовых учений Марсель Зенн видит своего рода творческий синтез идей Иеремии Бентама, Джона Остина и Ганса Кельзена на методологической основе, тематизированной преимущественно работами Г. Фреге и Б. Рассела [14, с. 98]. При этом М. Зенн отмечает, что Г. Харт в своем главном произведении 1961 г. «Понятие права» («The Concept of Law») [11] в полном соответствии с духом неокантианства проводит четкое различие между правом и моралью, отвергая при этом волюнтаристский подход раннего позитивизма. В работе 1963 года «Право, свобода и мораль» Г. Харт уже преимущественно обращается к вопросам соотношения морали и права.

В целом Г. Харт солидаризируется с концепцией основной нормы Г. Кельзена [7, с. 49-52]. Анализируя отношение основателя аналитической юриспруденции к концептуальным основам этико-правовой теории своего предшественника, современные исследователи обычно противопоставляют учение Г. Харта о природе нормативных фактах исходным методологическим посылкам учения Г. Кельзена. Для подтверждения своих слов сошлемся на выводы профессора Федерального университета Парагвая М. Барауна, сделанные им в докладе на XXVI Всемирном конгрессе философии права и социальной философии (Бразилия, 21–26 июля 2013 г.). Он справедливо указывает на то, что, согласно Г. Кельзену, сами по себе социальные факты не могут содержать в себе оснований для установления действительных правовых норм и такие основания могут содержать только другие нормы, комплекс которых составляет базис теоретического описания системы права. По мнению латиноамериканского автора, причиной этого является исходная для Кельзена позитивистская парадигма, не позволяющая выводить общие принципы, законы и нормы из самих по себе единичных фактов [13, с. 448].

Комментируя эту теоретическую посылку, отметим, что классический позитивизм, тяготеющий к ранним формам докантовского эмпиризма, решал данную методологическую проблему, ссылаясь на возможность индуктивного обобщения данных чувственного опыта в старых традициях бэконовско-гоббсовской гносеологии, что явилось необходимым результатом предшествующего развития правовой мысли [2, с. 248-301; 3, с. 12-38]. Для Г. Кельзена подробного рода упрощенный подход уже не заключал в себе эвристического потенциала, что, собственно, и заставило австрийского ученого (вслед за другими современными ему представителями позитивизма) обратиться к кантовским принципам априоризма в познании. Следствием этого и стала, как мы уже отмечали, отсылка к идее основной нормы, а соответственно, и вся возводимая Г. Хартом теоретическая конструкция обоснования права и морали.

Напротив, Г. Харт в противовес устойчивому стремлению австрийского юриста опираться на идеи основоположника немецкой классической философии, пытается каким-то образом модернизировать и сохранить исходные посылки традиционного англо-саксонского эмпиризма. Анализируя аргументацию Г. Кельзена и контраргументацию Г. Харта, М. Барауна указывает на содержательное несовпадение понятия социального факта в дискурсе учения Г. Кельзена и понятия нормативного социального факта Г. Харта [13, с. 448].

Хотя М. Барауна и отстаивает превосходство концепции Г. Харта в сравнении с тезисами Г. Кельзена, которые отрицают возможность существования такого рода «нормативных фактов», все же он надеется на своего рода синтез их учений, если попытаться каким-то образом совместить идею нормативных фактов Г. Харта и идею основной нормы Г. Кельзена. Нам, однако, такая перспектива представляется крайне сомнительной, поскольку «основная норма», будучи в последовательно кантианских традициях «фактом сознания», не может быть одновременно также фактом действительности, как и наоборот. И напротив, весь пафос позитивизма Г. Харта направлен на то, чтобы указать на эмпирическую природу нормативных фактов, принципиально выведя их из сферы чистого правового разума в сферу эмпирически данной действительности.

Обосновывая возможность данности научному познанию такой «сферы нормативных фактов», Г. Харт устанавливает различие между первичными и вторичными моральными и правовыми правилами, что является прямой отсылкой к гносеологии Дж. Локка, уточнившего концепцию Т. Гоббса за счет различия первичных и вторичных качеств вещей. Г. Харт явно рассчитывает реанимировать и усилить возможный потенциал модернизирующей коррекции гносеологии классического эмпиризма, которая в XVII в. была осуществлена Дж. Локком в пределах самого этого эмпиризма, с ее одновременной экспликацией на сферу этико-правовой проблематики. Здесь основоположник аналитической юриспруденции видит возможность удержания «этоса» классического эмпиризма на уровне дискуссий XX столетия о перспективах методологии в праве.

Первичными правилами, по Г. Харт, являются все юридические правила, функция которых заключается в том, чтобы навязывать гражданам обязанности поведения, то есть предписывать гражданам делать что-либо или воздерживаться от определенных вещей, независимо от того, согласны они на это или нет. Вторичные правила, напротив, относятся не к регулированию поведения человека, а только к обращению с правилами первого типа. Поэтому, в отличие от основных, чисто поведенческих правил, вторичные правила можно также назвать «правилами, относящимися к правилам». В частности, это правила, которые определяют, как правила поведения первого типа распознаются в сомнении, как они обоснованы, отменены или изменены, или как они в конечном итоге становятся доступными в каждом конкретном случае. Таким образом, способом формирования «вторичных правил» оказывается рефлексия, что полностью соответствует способу образования «вторичных качеств» Дж. Локка, в то время как «первичные правила» (подобно «первичным качествам» Дж. Локка) всецело определяются эмпирическими посылками.

Параллельно этому различию первичных и вторичных этико-правовых правил Г. Харт вводит также различия между внешними и внутренними правилами. Внешние правила относятся к точке зрения наблюдателя, который не признает сами правила и для которого, следовательно, вполне достаточно того, чтобы иметь возможность предсказать, что отклонение от нормального поведения с определенной вероятностью вызовет санкцию из-за наблюдаемых им внешних закономерностей. Внутренний аспект правил определяет точка зрения, которую кто-либо принимает в качестве члена социальной группы, признающей соответствующее правило, и которой он соглашается руководствоваться в своем поведении.

Все эти категориальные дифференциации должны в конечном итоге создать понятийное поле для теоретического воспроизведения области нормативных фактов посредством специального юридического языка [4; 6, с. 45-56]. Понятийный дискурс права, в рамках которого может быть адекватно описана как сама область нормативных фактов, так и ее «нормативизирующее» воздействие на первичные этико-правовые правила, согласно Г. Харту, очерчивается тремя основными проблемами, характеризующимися дихотомической оппозицией выделенных им базовых категорий правового мышления.

Первая проблема определяется противоречием правового принуждения и неправового (незаконного) принуждения. По мысли Г. Харта, задача юриспруденции состоит в том, чтобы максимально точно определить специфические признаки правового принуждения, организованного на правовых основах. Постановка такой задачи связана с тем очевидным фактом, что свобода выбора между многими альтернативами действия может быть ограничена не только одними лишь средствами юридически обеспеченного принуждения. В подтверждение этого Г. Харт приводит пример вооруженного грабителя, который также ограничивает свободу выбора для своей жертвы. В таком случае принуждение вовсе не может быть принято в качестве достаточного признака права. Постоянная акцентировка именно этого примера позволяет оценивать этико-правовую концепцию Г. Харта, как развернутый ответ на вопрос Августина Блаженного: «Что суть государства без справедливости, как не разросшиеся разбойничьи шайки?».

Вторая проблема связана с преимущественно интересующей нас дихотомией права и морали, которую Г. Харт исходно характеризует как проблему различия между юридическими и моральными обязательствами, поскольку «необходимое пересечение между правом и моралью отсутствует» [5, с. 755]. Суть проблемы Г. Харт видит в том, что право, в отличие от морали, является единственным порядком социальных отношений, который устанавливает четкие границы свободы выбора. Особая сложность, согласно его выводу, возникает здесь вследствие того, что право и мораль отчасти используют один и тот же язык, одни и те же термины (так, например, в равной мере говорят как о правовых, так и о моральных правах и обязанностях), а также вследствие того, что право, установленное государством, в своем содержательном аспекте в значительной мере предписывает личности то же самое, что требуют также и мораль.

Здесь Г. Харт в первую очередь обращает внимание на то, что в идее справедливости, которая представляет собой как юридическую, так и моральную ценность, сферы морали и права до известной степени «объединяются друг с другом». Тем не менее, подчеркивает он, нормы права существенно отличаются от норм морали. Это видно уже из того, что даже несправедливый закон все же является законом: «Законы, какими бы морально несправедливыми они ни были, так или иначе, останутся законами» [12, с. 210]. Поэтому, несмотря на все возможные параллели, Г. Харт предлагает последовательно различать право и мораль по их сущности, а также предлагает содержательно проанализировать характерные черты этих различий, исходя из новых методологических установок.

Третья проблема связана с указанным выше соотношением нормативных и обычных правил, фиксируемых в форме социальных фактов. А именно: требуется точно определить, что представляют собой нормативные правила и в чем состоит их отличие от обычных правил. Дело в том, что правовая система, как утверждает ученый, состоит полностью, или, во всяком случае, в основном, из социальных правил. Понятие последних, согласно Г. Харту, лишено даже минимальной ясности, без чего становятся бессмысленными всякие рассуждения о различии нормативных и обычных правил. Но именно по этому вопросу сложилось самое большое число разнообразных точек зрения, так что некоторые исследователи даже приписывают его содержанию некое мистическое значение.

В целом теоретические трудности, проявленные в этих трех проблемах, вызваны, прежде всего, тем, что в действительности существуют определенные закономерности социального поведения личности, в основе которых не лежит какое-либо одно правило поведения, имеющее явные признаки нормативности. Анализируя понятие права в представленном таким образом проблемном поле, и определяя пути выхода из указанных затруднений, Г. Харт, прежде всего, обращается к теории императива, как она была представлена в XIX веке Дж. Остином. В этом вопросе теория Дж. Остина сводится к объяснению правовых правил в соответствии с моделью команд, поддерживаемых угрозами. Однако уже простой пример с вооруженным грабителем, который в своей полемике приводит Г. Харт, явно показывает, что теория императива при переходе от уровня непосредственных межличностных отношений к

уровню социального действия и, соответственно, социальных правил, требует, как минимум, целого ряда существенных модификаций.

Модифицированные в соответствии с указанными требованиями императивные нормы Г. Харт разделяет на два типа: нормы, которые наделяют полномочиями, и нормы, налагающие какие-либо обязанности, нарушение которых чревато применением наказующих санкций. При этом он настаивает на том, что эти нормы не следует смешивать друг с другом: уполномочивающие нормы, отнюдь, не являются нормами обязывающими. Теперь остается рассмотреть, как в эту систему норм, которую Г. Харт определяет как строго эмпирическую по форме своей дедукции, могут вписываться нормы морали.

Тем понятием, которое позволяет Г. Харту включить этический дискурс в правовой контекст, является понятие естественного права, в отношении которого он, как и Кельзен, не испытывает обычных позитивистских предубеждений. Именно, естественное право представляется ему той сферой правовой мысли, традиционным доменом которой были рассуждения о справедливости, нравственности и праве [10, с. 19-25]. Но в отличие от Кельзена, он не считает естественное право чисто априорной данностью. Согласно Г. Харту, естественное право должно согласоваться с нормами позитивного права и, в конечном итоге, должно опираться на них как на свою действительную предпосылку.

Прежде всего, Г. Харт противопоставляет свою точку зрения утвердившемуся в правовой науке мнению, согласно которому право может диктовать лишь правила «внешнего» поведения и является индифферентным к мотивам и намерениям субъектов правовых отношений, «действующих равнодушно», в то время как мораль непосредственно опирается на волю, намерение или мотив таких субъектов. Г. Харт считает это различие не очень убедительным. Тем не менее, он интерпретирует его как сжатое резюме четырех связанных между собой проблем, которые все вместе служат для того, чтобы отличить мораль не только от правовых правил, но и от всех остальных социальных правил. Суть указанных проблем сводится к следующему:

Во-первых, моральные правила занимают на ступенях иерархии социальных норм самое высокое место, в то время как правовые правила могут относиться и к совершенно незначительным предметам.

Во-вторых, моральные правила не могут быть изменены целенаправленно. Они существенно связаны с нравственными традициями и поэтому, хотя и не являются неизменными, они, как и все традиции, сопротивляются произвольному влиянию. Правовые же правила проявляют себя иначе даже в тех областях, где по-прежнему нет государственной законодательной власти. Ярким примером этого служит международное право.

В-третьих, в моральной сфере ответственность за нарушение правил требует, чтобы человек действовал добровольно. Если он может доказать, что он был принуждаем к том или иному действию, ошибался, не имел достаточной информации или испытывал какое-либо давление на себя, то общественное мнение может освободить его от моральной ответственности. Например, может избежать моральной ответственности за совершенный аборт, если ему не была в достаточной степени понятна аморальность такого поступка. В области права это, отнюдь, не так.

В-четвертых, форма социального давления, оказываемого на лицо с целью побудить его следовать моральным правилам, отличается от того, что имеет место в законодательстве. Неисполнение правовых правил часто грозит самыми неприятными последствиями, в то время как моральное давление обычно состоит из призывов соблюдать правила как то, что само по себе важно, предполагая, что адресаты обращений в принципе также согласны с этим мнением.

Несмотря на установленные различия, Г. Харт подчеркивает существование жесткой корреляции в отношениях между юридическим законом и нормами морали. Важное звено этих отношений он усматривает в принципе справедливости, требующем равного обращения в социальном общении. А именно: относиться к равному и к неравному в социальных отношениях соответствующим образом, в зависимости от степени неравенства (или в другой

формулировке: трактовать одинаковые случаи одинаково, а разные – различно), – это Г. Харт считает наиболее фундаментальным правовым принципом.

Однако здесь заключена и известная трудность, состоящая в том, что не существует фактов, которые бы совпадали друг с другом, не отличаясь друг от друга, как и нет людей, которые не отличались бы друг от друга в некоторых взглядах. Пока не установлены критерии того, какие сходства и различия в социальных отношениях должны считаться релевантными, принцип равенства остается пустой формулой. Вместе с тем здесь не существует и не может существовать единых критериев на все времена. В зависимости от их становления в тот или иной исторический период, принцип справедливого равенства наполняется конкретным содержанием. Отрицание же этого принципа имеет несколько иные характеристики: когда мы критикуем правила права как несправедливые, это подразумевает наличие некоторой шкалы равенства, которая не может заключаться в сфере права, а скорее находит свою основу в наших представлениях морального характера.

Таким образом, право, согласно Г. Харту, должно, в принципе, соответствовать морали, но это соответствие не является простым и прямолинейным, подобно тому, как это представлялось в классической теории естественного права (разумеется, в той интерпретации, которую дает естественному праву сам Г. Харт). Этико-правовая концепция Г. Харта в значительной мере задавала решающий импульс для развития современных подходов к исследованию проблемы отношения права и морали не только для аналитической юриспруденции, но и для всех остальных течений современной теоретико-правовой мысли вплоть до XXI века.

Библиографические ссылки

1. Баженова Е.А. Философия права Г.Л.А. Харта. Владимир : ВлГУ, 2016.
2. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
3. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
4. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия?: концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2014.
5. Касаткин С.Н. Постскрипtum к «Понятию права» Г. Харта // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. д-ра юрид. наук. А.В. Полякова. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009.
6. Касаткин С.Н. Проблемы спецификации юридического языка в учении Герберта Харта 1949 года // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 46-56.
7. Крушельницкий М.А., Масленников Д.В. Понятие основной нормы как предпосылка неокантианской модернизации Гансом Кельзенем юридического позитивизма // Юридическая мысль. 2016. № 6. С. 49-53.
8. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Томский университет, 2012.
9. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права Г. Харта и правовой реализм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 134-147.
10. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
11. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2007.
12. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М. : Канон+, 2017.

13. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte: Forum, 2013.
14. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich: Dike Verlag, 2012.

References

1. Bazhenova Ye.A. *Filosofiya prava G.L.A. Kharta* (Philosophy of Law by H.L.A. Hart), Vladimir, VIGU, 2016.
2. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava* (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. To the question of the speculative and logical foundations of the metaphysics of law), monografiya, Moscow, Yurlitinform, 2019.
3. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. *Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli* (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of relevant issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017, (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
4. Kasatkin S.N. *Kak opredelyat' sotsial'nyye ponyatiya?: kontseptsiya askriptivizma i otmenyayemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta* (How to define social concepts?: the concept of ascriptivism and the abolition of the legal language of Herbert Hart), Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2014.
5. Kasatkin S.N. *Postskriptum k «Ponyatiyu prava» G. Kharta* (Postscript to “The Concept of Law” by H. Hart), *Rossiyskiy vezhegodnik teorii prava*, No. 1, 2008, pod red. d-ra vurid. nauk. A.V. Polyakova, St. Petersburg, OOO «Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium «Yuridicheskaya kniga», 2009.
6. Kasatkin S.N. *Problemy spetsifikatsii yuridicheskogo yazyka v uchenii Gerberta Kharta 1949 goda* (Problems of legal language specification in the teachings of Herbert Hart of 1949), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017, No. 37, pp. 46-56.
7. Krushel'nitskiy M.A., Maslennikov D.V. *Ponyatiye osnovnoy normy kak predposylka neokantianskov modernizatsii Gansom Kel'zenom yuridicheskogo pozitivizma* (The concept of the basic norm as a prerequisite for neo-Kantian modernization of legal positivism by Hans Kelsen), *Yuridicheskaya mysl'*, 2016, No. 6, pp. 49-53.
8. Ogleznev V.V. *G.L.A. Khart i formirovaniye analiticheskoy filosofii prava* (H.L.A. Hart and the formation of an analytical philosophy of law), Tomsk, Tomskiy universitet, 2012.
9. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. *Analiticheskaya filosofiya prava G. Kharta i pravovoy realizm* (H. Hart's analytical philosophy of law and legal realism), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2013, No. 4 (309), pp. 134-147.
10. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. *Platon, Aristotel', Foma Akvinskiy i ideya spravedlivosti v vestestvenno-pravovoy traditsii* (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural legal tradition), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.
11. Khart G.L.A. *Ponyatiye prava* (The concept of law), St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2007.
12. Khart G.L.A. *Filosofiya i yazyk prava* (Philosophy and language of law), Moscow, Kanon+, 2017.
13. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart, XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy, Belo Horizonte, Forum, 2013.
14. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie, Eine Einführung mit Quellenmaterial, Zürich, Dike Verlag, 2012.

Дата поступления: 08.10.2019

Received: 08.10.2019